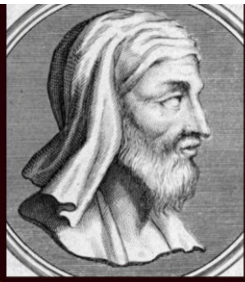

Плутарх

Ликург и Нума Помпилий

«Ликург и Нума Помпилий» — произведение древнегреческого философа, литератора Плутарха (др. — греч. Πλούταρχος; ок. 45 — ок. 127).***

«Ликург и Нума Помпилий» — сравнительное жизнеописание первых законодателей Древней Греции и Древнего Рима, созданное Плутархом. Книга состоит из двух разделов. В первом автор детально описывает биографию спартанского законодателя Ликурга, его известные законы. Второй раздел посвящен полуполюгендарному, второму царю Древнего Рима Нуме Помпилию. Плутарх знакомит читателей с происхождением Помпилия, основными вехами его жизни и деятельности.

Большая часть произведений Плутарха дошла до нашего времени. Среди них: популярно-философские трактаты («О состоянии духа», «Платоновские вопросы», «О сотворении души в «Тимее»»), моралистические произведения («О чрезмерном любопытстве», «О болтливости», «Об излишней робости»), сравнительные жизнеописания («Тесей и Ромул», «Александр Великий и Гай Юлий Цезарь», «Цицерон и Демосфен»).

Творческое наследие Плутарха влияло в течение многих веков на развитие европейской литературы и философии.

Современный читатель может использовать труды Плутарха как хрестоматию по истории античности.

Плутарх

ЛИКУРГ И НУМА ПОМПИЛИЙ

ЛИКУРГ

I

В общем, ни один из рассказов о законодателе Ликурге не заслуживает полного доверия. О его происхождении, путешествиях, смерти, наконец, о его законах и политической деятельности существуют разноречивые показания; но в особенности мало сходства в рассказах о времени его жизни.

Одни считают его современником Ифита, принимавшим вместе с последним участие в установлении перемирия на время Олимпийских игр, — мнение, разделяемое и философом Аристотелем, который ссылается на надпись на диске в Олимпии, где упоминается имя Ликурга. Другие, придерживаясь при хронологических вычислениях списков династии древних спартанских царей, например, Эратосфен и Аполлодор, говорят, что он жил незадолго до первой олимпиады. Тимей принимает двух Ликургов, живших в Спарте в разное время, — одному из них предание приписывает то, что

сделано обоими. Старший из них был почти современником Гомера, или, как утверждают некоторые, даже лично знал Гомера. К древнему времени относит его жизнь и Ксенофонт, называя его несколько раз современником Гераклидов. Но, вероятно, под «Гераклидами» он понимал древнейших царей, ближайших родственников Геракла, так как «Гераклидами» назывались и позднейшие спартанские цари.

Ввиду сбивчивости показаний историков мы постараемся описать жизнь Ликурга на основании тех данных, которые всего менее противоречат друг другу, и рассказов лиц, заслуживающих полного доверия.

Поэт Симонид называет, например, отцом Ликурга не Эвнома. По его словам, Ликург и Эвном были сыновьями Пританида. Большинство, однако, приводит другую родословную: если верить им, Прокл, сын Аристодема, был отцом Соя. Сой имел сына Эврипонта, последний — Пританида, этот — Эвнома, Эвном, от первой жены, — Полидекта, от второй, Дионассы, — Ликурга. Таким образом, по историку Диевтихиду, Ликург является потомком Прокла в шестом колене и Геракла в одиннадцатом.

II

Из его предков самым знаменитым был Сой, в царствование которого спартанцы обратили илотов в рабство и присоединили к своим владениям значительную часть Аркадии. Говорят, Сой, окруженный однажды клиторцами в неудобной для сражения и безводной местности, предложил им заключить мир и возвратить завоеванную у них землю, если они позволят ему и всему его войску напиться из ближайшего источника. Мир был заключен под клятвою. Тогда он собрал свое войско и обещал отдать престол тому, кто не станет пить. Но никто не мог побороть себя, все утолили жажду, только один царь, спустившись вниз на глазах всех, лишь плеснул на себя водой в присутствии неприятелей. Он отступил, но не вернул завоеванной им земли, ссылаясь на то, что «не все пили».

Несмотря на все уважение к нему за его подвиги, его род называли не его именем, а Эврипонтадами, по имени его сына, — вероятно, Эврипонт, заискивая у народа, желая приобрести любовь черни, поступился частью своих прав неограниченного монарха. Вследствие этих послаблений народ поднял голову. Следующие затем цари были или ненавидимы народом за свою строгость по отношению к нему, или становились

предметом насмешек за свою уступчивость и слабохарактерность, поэтому в Спарте долго царили безначалие и смуты, жертвами которых пал и царь, отец Ликурга. Желая разнять драку, он был ранен кухонным ножом и умер, оставив престол своему старшему сыну, Полидекту.

III

Когда вскоре скончался и Полидект, все считали законным наследником престола Ликурга, и, действительно, он правил государством, пока ему не сказали, что его невестка беременна. Узнав об этом, он объявил, что, если новорожденный окажется мальчиком, он передаст престол ему, лично же будет управлять государством в качестве опекуна. Опекунов сирот-царей спартанцы называли «продиками».

Между тем вдовствующая царица завела с ним тайные сношения и говорила, что готова вытравить свой плод, чтобы выйти замуж за него, когда он будет царем. Ликург ужаснулся ее жестокости, но не ответил отказом на ее предложение, сказал, что он в восторге от него, ничего против него не имеет, только советует ей не вытравлять плода, беречь себя, не губить своего здоровья приемом сильнодействующих средств и объявил, что постарается убить ребенка тотчас же

после его рождения. Таким образом, ему удалось обмануть царицу, пока ей не пришло время разрешиться от бремени. Когда он заметил, что роды близки, он отправил во дворец нескольких человек, в качестве свидетелей разрешения ее от бремени, а также для надзора за ней, приказав им в случае рождения девочки передать ее женщинам, мальчика принести к нему, что бы он ни делал. Царица родила. В это время он сидел за обедом вместе с высшими сановниками. Рабы явились к нему с малюткой на руках. Он взял его и обратился к присутствующим со словами: «Вот, спартанцы, ваш царь!». Он положил его на трон и назвал Харилаем, так как все радовались и приходили в восторг от его великодушия и справедливости. Ликург царствовал всего восемь месяцев, но успел заслужить глубокое уважение от своих сограждан. Ему повиновались не только по одному тому, что он был царским опекуном и имел в руках верховную власть, большинство охотно исполняло его приказания, слушалось его, из уважения к его нравственным качествам. Но у него были и завистники, старавшиеся помешать успехам молодого человека, главным образом родня и приближенные матери-царицы, считавшей себя оскорбленной. Брат ее, Леонид, позволил себе однажды кровно обидеть его, сказав, между прочим, что он отлично понимает, что рано ли,

поздно ли, только Ликург будет царем, желая этим навлечь подозрение на Ликурга и заранее оклеветать его, как заговорщика, если с царем случится какое-либо несчастье. Подобного рода слухи распускала и царица. Глубоко оскорбленный и не желавший подвергаться случайностям, Ликург решил покинуть родину, отклонить от себя подозрения и пробыть в путешествии до тех пор, пока его племянник подрастет и будет иметь себе наследника.

IV

Уехав, он прежде всего посетил Крит. Изучая его государственное устройство и беседуя здесь с самыми известными из граждан, он хвалил некоторые из их законов и обращал на них внимание, чтобы перенести их и ввести в употребление у себя в отечестве, но некоторые не считал заслуживающими этого. Он очаровал своим любезным и дружеским обращением и уговорил переселиться в Спарту одного из уважаемых за свой ум и государственную мудрость островитян — Фалета. Он слыл лирическим поэтом, на деле же преследовал те же цели, которые преследовали лучшие из законодателей. В своих стихотворениях он желал пробудить любовь к порядку и согласию. Их мелодия притом много способствовала к

установлению порядка и прекращению раздоров. Слушавшие их незаметно для себя смягчали свои нравы; в их сердца глубоко западало стремление к прекрасному взамен царившей до этого между ними вражды, так что этот человек в известной степени указал Ликургу путь для воспитания его народа.

Из Крита Ликург поплыл к берегам Азии. Он желал, говорят, сравнить простоту и суровость образа жизни критян с роскошью и изнеженностью ионийцев — как врач сравнивает хилое и болезненное тело со здоровым — и, таким образом, увидеть разницу между их образом жизни и государственным устройством. Здесь он, вероятно, в первый раз узнал о существовании поэм Гомера, которые хранились у потомков Креофила. Он заметил, что между местами, чтение которых может доставить удовольствие, приятное развлечение, есть такие, которые заслуживают не меньшего внимания благодаря заключающимся в них правилам политики и нравственности, поэтому охотно списал их и собрал, чтобы привезти домой. Об этих поэмах греки имели уже смутные представления. У небольшого числа лиц были отрывки из них, между тем как сами поэмы переходили из уст в уста в не имевших между собою связи отрывках. Ликург был первым, кому мы обязаны знакомству с ними в их полном виде.

Египтяне уверяют, что Ликург был и у них и что ему в особенности понравились существовавшие у них обособленные касты воинов, вследствие чего он ввел то же и в Спарте и, образовав отдельное сословие ремесленников и мастеровых, явился основателем класса настоящих, чистых граждан. С египтянами согласны и некоторые греческие писатели; но, насколько мне известно, только один спартанец, Аристократ, сын Гиппарха, утверждает, что Ликург был на севере Африки и в Испании, а также, что он путешествовал по Индии, где будто бы разговаривал с гимнософистами.

V

Между тем спартанцы жалели об отъезде Ликурга и не раз приглашали его вернуться. Они говорили, что их нынешние цари отличаются от подданных только титулом и тем почетом, которым они окружены, в то время как он создан для того, чтобы властвовать и обладать способностью оказывать на других нравственное влияние. Впрочем, и сами цари были не против его возвращения, — они надеялись с его помощью сдержать наглость толпы. Он вернулся и немедленно приступил к преобразованию существующего порядка, к коренным реформам

государственного устройства, — по его мнению, отдельные законы не могли иметь ни успеха, ни пользы; как у человека больного, страдающего притом различными болезнями, следует совершенно выгнать болезнь смесью лекарств со слабительным и предписать ему новый образ жизни.

С этой целью он прежде всего отправился в Дельфы. Принесши богу жертву, он спросил его и вернулся домой с тем известным оракулом, где пифия назвала его «любимцем богов» и скорее «богом, нежели человеком». Когда он просил дать ему «лучшие» законы, она отвечала, что бог обещает ему, что лучше его законов не будет иметь ни одно государство.

Этот ответ ободрил его, и он обратился к самым влиятельным гражданам с просьбою оказать ему поддержку. Но прежде всего он открылся своим друзьям, затем постепенно привлек на свою сторону еще большее число граждан и склонил их принять участие в его планах. Выбрав удобное время, он приказал тридцати аристократам явиться вооруженными утром на площадь, желая напугать, навести страх на своих противников, если бы такие оказались. Гермипп сохранил имена двадцати самых знатных из них; но самым ревностным помощником Ликурга в деле составления новых законов был Артмиад. В самом начале этой

суматохи царь Харилай убежал в храм Афины Меднодомной — он испугался, что все случившееся является заговором против него, — но затем склонился на увещания, взял с граждан клятву, вышел и принял участие в преобразованиях. Он был слабохарактерен. Говорят, например, другой его товарищ по престолу, Архелай, сказал хвалившим молодого царя: «Разве Харилая можно назвать дурным человеком, если он не сердится даже на негодяев».

Из многих преобразований, введенных Ликургом, первым и самым важным было учреждение им Совета старейшин (герусии), который, сдерживая в известных границах царскую власть и в то же время пользуясь одинаковым с нею числом голосов при решении важнейших вопросов, служил, по выражению Платона, и якорем спасения, и доставлял государству внутренний мир. До сих пор оно не имело под собою прочной почвы, — то усиливалась власть царя, переходившая в деспотизм, то власть народа в форме демократии. Власть старейшин (геронтов) была поставлена в середине и как бы уравнивала их, обеспечивая полный порядок и его прочность. Двадцать восемь старейшин становились на сторону царя во всех тех случаях, когда следовало дать отпор демократическим стремлениям. С другой стороны, они в случае

необходимости оказывали поддержку народу в его борьбе с деспотизмом. По словам Аристотеля, число старейшин было такое потому, что из прежних тридцати сообщников Ликурга двое отказались участвовать в его предприятии из страха. Сфер, напротив, говорит, что число сообщников Ликурга было то же, что сначала, — быть может, потому, что число это четное, получаемое от умножения семи на четыре, и так же, как и шесть, равно сумме своих делителей. На мой же взгляд, старейшин было столько для того, чтобы вместе с двумя царями их было в общем тридцать человек.

VI

Ликург считал это учреждение настолько важным, что послал в Дельфы спросить о нем оракула и получил от него следующий ответ, так называемую ретру:

«Выстрой храм Зевсу-Гелланию и Афине-Геллании, раздели народ на филы и обы, учреди совет из тридцати членов, вместе с вождями, и пусть время от времени народ собирается между Бабиной и Кнакионом. Предлагать законы и собирать голоса должен ты,

окончательное же решение должно принадлежать народу».

Учредить «филы» и «обы» значит разделить народ на мелкие единицы, которые оракул назвал «филами», другие — «обами». Под вождями следует понимать царей. «Созывать Народное собрание» выражено словом «апелладзеин» — по мнению Ликурга, первым внушил ему мысль издать законы Аполлон Дельфийский. Бабика и Кнакион называются в настоящее время Энунтом. Аристотель говорит, что Кнакион — река, Бабика — мост. Между двумя этими пунктами происходили в Спарте народные собрания. Ни портика, ни другого какого-либо здания там не было: по мнению Ликурга, это не только не делало присутствующих умнее, но даже вредило им, давая им повод болтать, хвастаться и развлекаться пустяками, когда они во время Народного собрания станут любоваться статуями, картинами, театральными портиками или роскошно украшенным потолком здания Совета. В Народных собраниях никто не имел права высказывать своего мнения. Народ мог только принимать или отвергать предложения геронтов и царей. Впоследствии, когда народ стал искажать, извращать предложения, вносившиеся на его обсуждение, сокращая или дополняя их, цари Полидор и

Теопомп в прежней ретре сделали следующую прибавку: «Если народ постановит дурно, царям и старейшинам уйти», другими словами, они не должны были утверждать его решений, а вообще распустить собрание, объявить закрытым, так как оно приносило вред, искажая и извращая их предложения. Им даже удалось убедить граждан, что так приказал оракул. Об этом говорит следующее место из Тиртея:

Те, кто в пещере Пифона услышали Феба реченье,
Мудрое слово богов в дом свой родной принесли:
Пусть в Совете цари, которых боги почтили,
Первыми будут; пускай милую Спарту хранят
С ними советники-старцы, за ними — мужи из
народа,
Те, что должны отвечать речью прямой на вопрос.

VII

Несмотря на то, что Ликург не передал государственной власти в одни руки, олигархия в чистом ее виде все еще продолжала заявлять о себе, поэтому его преемники, замечая, что она переступает предел возможного и становится невыносимой, учредили для обуздания ее, как выражается Платон, должность эфоров. Первыми

эфорами, при царе Теопомпе, были Элат и его товарищи, что имело место спустя около ста тридцати лет после Ликурга. Говорят, жена Теопомпа упрекала его за то, что он передает своим детям меньшую власть, чем он получил сам. «Да, меньшую, — отвечал царь, — зато более прочную». Действительно, потеряв то, что для них было лишним, спартанские цари избегли зависти, грозившей им опасностью. Им не пришлось испытать того, что пришлось испытать царям мессенским и аргосским со стороны их подданных, когда они не пожелали поступиться чем-либо из своих прав в пользу демократии. Ум и прозорливость Ликурга делаются вполне понятными тогда только, если обратить внимание на те смуты и ссоры, которые происходили у единоплеменников и соседей спартанцев — мессенцев и аргосцев. Им достались сначала по жребию даже лучшие участки в сравнении со спартанцами; но счастье их продолжалось недолго. Своеволие царей и неповиновение народа положили конец существовавшему порядку вещей и дали возможность убедиться, что законодатель спартанцев, поставивший каждой власти свои пределы, был для них истинным даром неба, ниспосланным для их счастья. Но об этом речь впереди.

VIII

Вторым из преобразований Ликурга, и самым смелым из них, было деление им земель. Неравенство состояний было ужасное: масса нищих и бедняков угрожали опасностью государству, между тем как богатство было в руках немногих. Желая уничтожить гордость, зависть, преступления, роскошь и две самые старые и опасные болезни государственного тела — богатство и бедность, он убедил сограждан отказаться от владения землею в пользу государства, сделать новый ее раздел и жить всем на равных условиях, так чтобы никто не был выше другого, отдавая пальму первенства одним нравственным качествам. Неравенство, различие одного от другого должно было выражаться только в порицании за дурное и похвале за хорошее. Приводя свой план в исполнение, он разделил всю остальную Лаконию на тридцать тысяч земельных участков для жителей окрестностей Спарты, периэков и на девять тысяч — округ самой Спарты: столько именно было спартанцев, получивших земельный надел. Некоторые говорят, что Ликург выделил только шесть тысяч участков и что три тысячи остальных прибавлены позже, Полидором, другие же — что из девяти тысяч участков половину роздал он, половину — Ликург. Каждый участок мог давать ежегодно семьдесят медимнов

ячменя для мужчины и двенадцать — для женщины, кроме того, некоторое количество вина и масла, чего, по мнению Ликурга, было достаточно, чтобы прожить не болея, в добром здоровье, и не нуждаясь ни в чем другом. Говорят, когда он возвращался потом домой и проходил по Лаконии, где только что кончилась жатва, он увидел ряды снопов одинаковой величины и сказал с улыбкой, обращаясь к своим спутникам, что вся Лакония кажется ему наследством, которое только разделили поровну многие братья.

IX

Чтобы окончательно уничтожить всякое неравенство и несоразмерность, он желал разделить движимое имущество, но, видя, что собственнику будет тяжело лишиться своей собственности прямо, пошел окольным путем и сумел обмануть своими распоряжениями корыстолюбивых людей. Прежде всего, он изъял из обращения всю золотую и серебряную монету, приказав употреблять одну железную, но и она была так тяжела, так массивна при малой своей стоимости, что для сбережения дома десяти мин нужно было строить большую кладовую и перевозить их на телеге. Благодаря такой монете в Лаконии исчезло много преступлений: кто решился бы воровать, брат

взятку, отнимать деньги другого или грабить, раз нельзя было скрыть своей добычи, которая к тому же не представляла ничего завидного и которая даже разбитою в куски не годилась ни на что? Говорят, Ликург велел опускать раскаленное железо в уксус. Этим он лишал его твердости, делал ни на что негодным, бесполезным по своей хрупкости для выделки из него каких-либо вещей. Затем Ликург изгнал из Спарты все бесполезные, лишние ремесла. Впрочем, если б даже он не изгонял их, большая часть из них все равно исчезла бы сама собою вместе с введением новой монеты, так как их вещи не нашли бы себе сбыта, — железные деньги не ходили в других греческих государствах; за них ничего не давали и смеялись над ними, вследствие чего на них нельзя было купить себе ни заграничных товаров, ни предметов роскоши. По той же причине чужеземные корабли не заходили в спартанские гавани. В Спарту не являлись ни ораторы, ни содержатели гетер, ни мастера золотых или серебряных дел, — там не было денег. Таким образом, роскошь, не имея больше того, что могло поддерживать ее, давать ей средства к существованию, постепенно исчезла сама собой. Богач не имел никакого преимущества перед бедным, так как богатством нельзя было похвастаться публично — его следовало хранить дома, где оно было мертвым грузом. Поэтому все

предметы первой необходимости — кровати, стулья, столы — спартанской работы считались далеко лучше других. В особенности славился спартанский котон, очень удобный, как говорит Критий, в походе, так как из него приходилось пить по необходимости иногда воду, — он скрывал ее неприятный цвет, а так как вогнутые края задерживали грязь, то вода, которую приходилось пить, была чистою. За все это следует благодарить законодателя. Ремесленники, работавшие прежде предметы роскоши, должны были употреблять с тех пор свой талант на изготовление предметов первой необходимости.

Х

С целью еще более стеснить роскошь и окончательно уничтожить чувство корысти Ликург установил третье, во всех отношениях прекрасное, учреждение, совместные трапезы, сисситии, — для того, чтобы граждане сходились обедать за общий стол и ели мясные или мучные кушанья, предписанные законом. Они не имели права обедать дома, развалившись на дорогих ложах за дорогими столами, они не должны были заставлять своих отличных поваров откармливать себя в темноте, как прожорливых животных, вредя этим и душе, и телу, предаваясь всякого рода порочным

наклонностям и излишествам, долгому сну, беря теплые ванны, ничего решительно не делая, словом, нуждаясь ежедневно в уходе, как больные. Одно это было важно, но еще важнее было то, что богатство, выражаясь словами Теофраста, не было ни на что годно, было не богатством — вследствие учреждения общего стола и простой пищи. Им нельзя было пользоваться, оно не могло доставлять чувства радости, словом, нельзя было ни показать множества своей драгоценной посуды, ни похвастаться ею, раз бедняк шел на один обед с богачом. Вот почему в целом мире в одной Спарте находила себе подтверждение поговорка, что «бог богатства слеп и лежит без жизни и движения», как на картине. Точно так же запрещено было являться на сисситии сытыми, пообедав дома. Остальные присутствующие строго наблюдали за тем, кто не пил и не ел вместе с другими, и обзывали неженкой спартанца, которому общий стол казался грубым.

XI

Говорят, этот обычай главным образом и восстановил против Ликурга богатых. Они окружили его толпой и стали громко ругать его. Наконец, многие из них начали кидать на него камнями, вследствие чего ему пришлось бежать с площади. Он опередил своих преследователей и

скрылся в храм. Только один молодой человек, Алкандр, не глупый, но горячий и вспыльчивый, гнался за ним, не отставая, и, когда Ликург обернулся, ударил его палкой и вышиб ему глаз. Этот несчастный случай не заставил Ликурга пасть духом, — он обернулся и показал гражданам свое окровавленное лицо и изуродованный глаз. При виде этого их охватило чувство глубокого стыда и смущения, и они выдали Алкандра Ликургу, которого проводили до самого дома, выражая ему чувства соболезнования. Ликург поблагодарил их и простился с ними, Алкандра же привел к себе домой. Он ему не сделал, не сказал ничего дурного и только заставил его прислуживать вместо тех людей и рабов, которые служили ему обыкновенно. Молодой человек, оказавшийся не лишенным благородного чувства, молча исполнял даваемые ему приказания. Находясь постоянно в обществе Ликурга, он видел, как он кроток, видел, что его душа чужда страстей, видел его строгую жизнь, его горячую любовь к труду — и всей душой привязался к нему, причем говорил своим знакомым и друзьям, что Ликург нисколько не суров или горд, — напротив, он единственный в своем роде человек, который так ласков и снисходителен в отношении окружающих. Вот как наказан был Алкандр! Но это наказание сделало его из дурного, дерзкого молодого человека вполне

приличным и рассудительным. В память своего несчастья Ликург построил храм Афине-Оптилетиде: спартанские дорийцы называют глаз — «оптинос». Некоторые, однако, между прочим Диоскорид, автор сочинения о государственном устройстве Спарты, говорит, что действительно Ликург был ранен, но не лишился глаза, напротив, выстроил богине храм в благодарность за исцеление. Как бы то ни было, но после этого печального случая спартанцы перестали ходить на народные собрания с палками.

XII

Сисситии называются на Крите «андриями», у спартанцев — «фидитиями», быть может, потому, что участники их были дружны между собою и любили один другого, — значит, в данном случае «лямбда» заменена «дельтой» — или же вследствие того, что фидитии приучали к умеренности и бережливости. В то же время можно предположить, что первый слог этого слова, по мнению некоторых — приставка и что следовало говорить, собственно, «эдитии», от слова «эдодэ» — пища.

За стол садилось всякий раз человек пятнадцать, иногда больше, иногда меньше. Каждый из сисситов приносил ежемесячно медимн ячменя, восемь хоев вина, пять мин сыру, две с

половиной мины винных ягод и затем немного денег для покупки другой провизии. Кроме того, каждый принесший жертву посылал в сисситии лучшую ее часть. Охотники посылали также часть дичи. Кто опаздывал из-за жертвоприношения или охоты, мог обедать дома; но другие должны были быть налицо. Спартанцы долгое время свято держались обычая обедать вместе. Когда, например, царь Агид, вернувшийся из удачного похода против Аттики, хотел отобедать вместе с женою и послал за своею порцией, полемархи непустили ее. На следующий день рассерженный царь не принес назначенной по закону жертвы и должен был заплатить штраф.

На сисситии часто ходили и дети. Их водили туда как в школу для развития ума. Здесь они слушали разговоры о политике и видели пред собой наставников в лучшем смысле этого слова. Сами они учились шуткам и насмешкам, никогда не оскорбляя. Их приучали и самих переносить шутки, не обижаясь на других. Хладнокровно относиться к шуткам считалось большою честью для спартанца. Кто не желал, чтобы над ним смеялись, должен был попросить другого перестать, и насмешник переставал. Старший из сисситов показывал каждому новому посетителю на дверь и говорил: «За эту дверь не должно выйти ни одно слово!». Каждый желавший сделаться членом сисситии

должен был, говорят, подвергнуться следующего рода испытанию. Всякий из сисситов брал в руку шарик из хлеба и молча кидал его, словно камешек при голосовании, в чашку, которую раб нес на голове и обходил присутствующих. Кто подавал голос за избрание, просто бросал шарик, но кто желал сказать «нет», — предварительно сильно сдавливал его в руке. Раздавленный шарик значил то же, что просверленный камешек при голосовании. Если таких находили хоть один, просившему о своем избрании отказывали в его просьбе, желая, чтобы все члены сисситии нравились друг другу. Кому отказывали в избрании, называли «каддированным», — чашу, в которую бросают шарики, зовут «каддиком».

Самым любимым кушаньем сисситов была «черная похлебка», так что старики отказывались от мяса, отдавая свою долю молодым, а сами наливали себе свое кушанье, похлебку. Говорят, один понтийский царь купил даже себе спартанского повара исключительно для приготовления «черной похлебки», но, когда попробовал ее, рассердился. «Царь, — сказал повар, — прежде чем есть эту похлебку, нужно выкупаться в Эвротел!». Пили сисситы не много и без огня возвращались домой. Идти по улице с огнем им строго запрещалось, как в этом, так и в других случаях, для того, чтобы они приучились

ходить ночью смело, ничего не боясь. Вот каких порядков придерживались спартанцы в своих общих столах.

XIII

Законы Ликурга не были писаными, в чем убеждает нас одна из его «ретр». Все, что, по его мнению, вполне необходимо и важно для счастья и нравственного совершенства граждан, должно войти в самые их нравы и образ жизни, чтобы остаться в них навсегда, сжиться с ними. Добрая воля в его глазах делала этот союз крепче, нежели принуждение, а эту волю образовывало в молодых людях воспитание, которое делало каждого из них законодателем. Что же касается мелочей, например, денежных дел, — того, что изменяется, смотря по обстоятельствам, — он и их счел за лучшее не заключать в рамки писаных законов и неизменных правил, но дал право делать в них прибавления или убавления, смотря по обстоятельствам и мнению умных людей. Вообще все заботы его как законодателя были обращены на воспитание.

Одна из его «ретр», как сказано выше, запрещала иметь письменные законы, другая была направлена против роскоши. Крыша в каждом доме могла быть сделана только одним топором, двери — одной пилою; пользоваться другими

инструментами запрещалось. Позже Эпаминоид, сидя за своим столом, сказал, говорят, что «за таким обедом не придет в голову мысли об измене», — Ликург первый понял, что в таком доме не может жить ни изнеженный, ни привыкший к роскоши человек. Действительно, ни в ком не может быть так мало вкуса и ума, чтобы он приказал, например, внести в простую хижину кровати с серебряными ножками, пурпуровые ковры, золотые кубки и другие предметы роскоши. Напротив, каждый должен стараться о том, чтобы между его домом и кроватью, затем между кроватью и платьем, платьем и остальной обстановкою и хозяйством было соответствие, чтобы они отвечали одно другому. Этой привычкой и объясняется выражение Леотихида Старшего, который, любуясь за обедом в Коринфе роскошно отделанным штучным потолком, спросил хозяина, неужели у них растут деревья квадратной формы?

Известна также третья «ретра» Ликурга, где он запрещает вести войну с одними и теми же неприятелями, чтобы, привыкнув оказывать сопротивление, они не сделались воинственными. Позже за то именно всего больше и порицали царя Агесилая, что он своими частыми, неоднократными вторжениями и походами в Беотию сделал фиванцев достойными противниками Спарты. Поэтому, видя его раненым, Анталкид сказал:

«Фиванцы прекрасно платят тебе за уроки. Они не хотели и не умели драться, но ты их выучил!» «Ретрами» Ликург назвал свои постановления для того, чтобы убедить всех, что они даны оракулом, являются его ответами.

XIV

Считая воспитание высшею и лучшею задачей для законодателя, он приступил к осуществлению своих планов издалека и прежде всего обратил внимание на брак и рождение детей. Аристотель ошибается, говоря, что он желал дать разумное воспитание и женщинам, но отказался от этого, оказавшись не в состоянии бороться с слишком большою волей, которую забрали себе женщины, и их властью над мужьями. Последним приходилось вследствие частых походов, оставлять на их руки весь дом и на этом основании слушаться их, переходя всякую меру, и даже называть их «госпожами». Но Ликург оказал должное внимание и женскому полу. Девушки должны были для укрепления тела бегать, бороться, бросать диск, кидать копья, чтобы их будущие дети были крепки телом в самом чреве их здоровой матери, чтобы их развитие было правильно и чтобы сами матери могли разрешаться от бремени удачно и легко благодаря крепости своего тела. Он запретил им

баловать себя, сидеть дома и вести изнеженный образ жизни. Они, как и мальчики, должны были являться во время торжественных процессий без платья и плясать и петь на некоторых праздниках в присутствии и на виду у молодых людей. Они имели право смеяться над кем угодно, ловко пользуясь его ошибкой, с другой стороны, прославлять в песнях тех, кто того заслуживал, и возбуждать в молодежи горячее соревнование и честолюбие. Кого они хвалили за его нравственные качества, кого прославляли девушки, тот уходил домой в восторге от похвал, зато насмешки, хотя бы и сказанные в шутливой, не оскорбительной форме, язвили его так же больно, как строгий выговор, так как на праздниках вместе с простыми гражданами присутствовали цари и старейшины. В наготе девушек не было ничего неприличного. Они были по-прежнему стыдливы и далеки от соблазна, напротив, этим они приучались к простоте, заботам о своем теле. Кроме того, женщине внушался благородный образ мыслей, сознание, что и она может приобщиться к доблести и почету. Вот почему они могли говорить и думать так, как то рассказывают о жене Леонида, Горго. Одна женщина, вероятно, иностранка, сказала ей: «Одни вы, спартанки, делаете, что хотите, со своими мужьями». «Но ведь одни мы и рожаем мужей», — отвечала царица.

XV

Уже все то, о чем мы говорили до сих пор, служило побудительною причиною к браку, — я имею в виду торжественные шествия девушек, их наготу, их упражнения в борьбе перед глазами молодых людей, которые шли сюда не с «геометрическими», а с «любовными» целями, выражаясь языком Платона, но холостяки подвергались, кроме того, некоторого рода позору. Они не имели права присутствовать при празднике гимнопедий. Зимой они по приказу властей обходили голыми городской рынок и, обходя его, пели сочиненную на счет их песню, где говорилось, что они наказаны совершенно справедливо за свое неповиновение законам. Наконец, им не оказывали уважения и услуг, которые молодые люди оказывали старшим. Вот почему никто не отнесся с порицанием к тем словам, которые были сказаны Деркеллиду, хотя он был знаменитым полководцем. Один молодой человек, не встав при его входе, сказал: «У тебя нет сына, который мог бы впоследствии встать передо мною!..»

Невест похищали, но не таких, которые были еще малы или слишком молоды для брачной жизни, а вполне зрелых и развившихся. Похищенная отдавалась на руки подруги невесты.

Внесши в отношения супругов скромность и порядок, Ликург изгнал такими же решительными мерами и глупую женскую ревность.

Обычай, находившиеся в полном соответствии требований природы с требованиями государственной жизни, имели тогда так мало общего с тою легкостью, которую мы встречаем позже в поведении спартанцев, что случаи прелюбодеяния никогда не встречались у них. Известен ответ спартанца Герада, имевший место очень давно. Иностранец спросил его, как они наказывают за прелюбодеяние.

— Друг мой, — отвечал спартанец, — прелюбодеяние неизвестно у нас.

— Ну а если кто-нибудь окажется виновным в нем? — продолжал спрашивать тот.

— Он должен дать в виде штрафа огромного быка, который мог бы протянуть шею с вершины Тайгета, чтобы напиться воды в Эвроте, — отвечал Герад.

— Да разве бывают такие огромные быки? — спросил удивленный иностранец.

— А разве можно найти в Спарте прелюбодея? — со смехом отвечал ему Герад.

Вот что известно о спартанских браках.

XVI

Воспитание ребенка не зависело от воли отца, — он приносил его в «лесху», место, где сидели старшие члены филы, которые осматривали ребенка. Если он оказывался крепким и здоровым, его отдавали кормить отцу, выделив ему при этом один из девяти земельных участков, но слабых и уродливых детей кидали в «апотеты», пропасть возле Тайгета. В их глазах жизнь новорожденного была так же бесполезна ему самому, как и государству, если он был слаб, хил телом при самом рождении, вследствие чего женщины для испытания здоровья новорожденного мыли его не в воде, а в вине, — говорят, эпилептики и вообще болезненные дети от крепкого вина погибают, здоровые же становятся от него еще более крепкими и сильными. Кормилицы ходили за ними очень внимательно и прекрасно знали свое дело. Они не пеленали детей, давали полную свободу их членам и всему вообще телу, приучали их не есть много, не быть разборчивыми в пище, не бояться в темноте или не пугаться, оставшись одни, не капризничать и не плакать. На этом основании даже иностранцы выписывали для своих детей спартанских кормилиц. Говорят, кормилица афинянина Алкивиада была спартанка Амикла. Впоследствии Перикл, по словам Платона, дал ему